

Небесный гость

Автор:

Александр Беляев

Небесный гость

Александр Романович Беляев

«Легкие, веселые, словно сотканные из сверкающих огней стоэтажные небоскребы угасали один за другим и становились похожими на черные, угрюмые, тяжелые скалы. Деловой день кончился. Тресты, банки, торговые компании, конторы прекращали работу. Небоскребы пустели, умирали, темнели. Зато нижние этажи домов засверкали еще ослепительней огромными витринами и световыми рекламами магазинов. Оживали кино, бары, рестораны...»

Александр Беляев

Небесный гость

1. Мировая сенсация

Легкие, веселые, словно сотканные из сверкающих огней стоэтажные небоскребы угасали один за другим и становились похожими на черные, угрюмые, тяжелые скалы. Деловой день кончился. Тресты, банки, торговые компании, конторы прекращали работу. Небоскребы пустели, умирали, темнели. Зато нижние этажи домов засверкали еще ослепительней огромными витринами и световыми рекламами магазинов. Оживали кино, бары, рестораны.

Их разноцветные огни бесновались, прыгали, змеились, кувыркались, подмигивали, гонялись друг за другом, собирались, рассыпались...

По улицам темной лавиной медленно двигались автомобили, по тротуарам – сплошные потоки людей.

Грохотала подземная дорога, гудели автомобили, рычали, завывали и верещали радиорекламы, гремели джазы ресторанов и кино, рокотала многоголосая толпа.

В этот самый час наивысшего уличного движения из дверей многочисленных редакций и контор газет с шумом, гамом, гиканьем вылетали стайки мальчишек, размахивавших свежими газетными листами.

Их звонкие голоса звучали так пронзительно, что заглушали шум толпы.

– Небесный гость! – кричали газетчики.

– Гибель Земли!

– Наезд неизвестной планеты на земной шар!

– Земля падает на звезду!

– Марсиане объявили Земле войну!

Газеты раскупали быстро. Мальчики не успевали бегать в конторы за новыми кипами.

Люди читали за столиками кафе, в вагонах и автомобилях, читали на ходу, сталкиваясь друг с другом и налетая на фонарные столбы.

Не прошло и получаса, как весь город знал о необычайной новости.

Словно из-под земли выросли люди с любительскими телескопами, старинными театральными биноклями. Удивительно, сколько подзорных труб нашлось в этом городе.

– За пятьдесят центов вы можете целую минуту любоваться на звезды.

– Полет на небо. Дешево и безопасно. Только двадцать центов.

– Кто хочет поглядеть на небесного гостя? Доллар за три минуты.

Но зрители напрасно напрягали зрение: видеть небо мешали огни города, а там, где небо было видно, все звезды казались одинаковыми. Ни страшного «чужеземного солнца», ни наводящей ужас косматой кометы нигде не было видно. Небо спокойное, молчаливое, как всегда.

Однако умы уже были взбудоражены. Жители города-гиганта, давно забывшие о существовании неба, вдруг вспомнили о нем. Оказалось, что небоскребы, биржи, акции, люди, сейфы, кино и все прочее летит вместе с Землей в бесконечных небесных просторах, и судьба Земли может зависеть от того, что творится в небе.

Люди уже смеялись. Бульварные газеты, конечно, привирали, как всегда, мальчишки-газетчики – еще больше. Но то, что какое-то небесное тело летит навстречу Земле, было, по-видимому, фактом. Подробностей никто не знал, и неизвестно было, чем все это кончится.

В мир вошла тревога...

2. Пропавшая Елена

– В вычислении ошибки быть не могло. Я проверял дважды. Архимед трижды. Елена погибла. С нею произошла какая-нибудь катастрофа, – словно в бреду говорил Иван Иванович и смотрел на старушку жену невидящими глазами.

Иван Иванович Тюменев, шестидесятилетний, но еще бодрый старик, и его жена Елена Гавриловна сидели на широкой веранде. Далеко внизу, под обрывом, сверкала речка, по ту сторону речки поднимались поросшие хвойным лесом горные хребты.

Солнце заходило. Теплый воздух был напоен запахом смолы.

Тюменев тяжело вздохнул.

– Пора!

Поднялся, сошел с веранды и зашагал по горной лесной дорожке, которая змеилась между толстыми соснами, поднимаясь все выше, к лесистому хребту Кано, где стояли белые здания и башни обсерватории. На западном склоне виднелась круглая «башня С.П. Глазенапа» – старейшая абастуманская обсерватория.

Когда Тюменев подошел к башне, уже совсем стемнело.

Он поднялся на три ступеньки и открыл дверь. Внутри башни было темно и прохладно. В щели, на фоне звездного неба, выделялась труба большого телескопа, направленного вверх, как ствол зенитного орудия.

Было тихо. Только привычное ухо улавливало тиканье часовых механизмов да из прилегающей к башне лаборатории доносилось пение племянника Тюменева – Александра Павловича Турцева, которого в семье называли Архимедом за его замечательные математические способности.

Тюменев ощупью нашел в стене выключатель и повернул его. Вспыхнула маленькая лампочка под зеленым абажуром и осветила кресло, стоящее возле окуляра рефрактора. Иван Иванович подошел к телескопу, потер руки, уселся на кресло, приготавливаясь к работе. Телескоп уже несколько дней был направлен в одну точку неба – возле звезды Гамма Большой Медведицы.

– Архимед! – крикнул Тюменев, и в куполе глухо отдалось эхо: «...мед».

Пение в лаборатории прекратилось, и послышалось протяжное:

– Д-а?

– Снимок удался?

– Отлично, – донесся ответ.

– И?..

– Не нахожу, – сказал племянник и снова замурлыкал песню.

– Ищи хорошенько! – крикнул Тюменев, припал глазом к окуляру, сразу оторвался от Земли и перенесся за десятки триллионов километров в знакомый мир звезд.

И вдруг Тюменеву кажется, что он видит сверкающую пылинку – звездочку, не отмеченную на звездной карте... Нет, это в глазах двоится...

– Доброе утро, Иван Иванович! – слышит Тюменев голос молодого астронома Аркусова. – Ну что, не нашли?

Кивнув головой, Тюменев молчит. Он не любит, когда мешают.

– Давно нашли бы, если б послушались моего совета. Дайте объявление: «Пропала комета Елена. Нашедшему будет выдано вознаграждение. В последний раз видна была на небе три года назад, 14 июля. Была открыта шесть лет тому назад заслуженным деятелем науки профессором Тюменевым».

Тюменев нетерпеливо повернулся в кресле.

«Пустомеля! – подумал он и, сдержав себя, продолжал наблюдения. – Нет, в глазах у меня не двоится. Это новое небесное светило. Неужели Елена?..»

– А вот и Елена!.. – вскрикивает Аркусов, как будто подслушав мысли Тюменева, и после паузы говорит: – Гавриловна. Доброй ночи, Елена Гавриловна!

«Ну, вот теперь жена мешать пришла», – злится Тюменев.

Его терпение лопається. Он хочет крикнуть, чтобы его оставили в покое. Но вдруг вместо этого кричит:

– Архимед! Архимед!.. – так неожиданно громко, что Елена Гавриловна роняет термос, который со звоном катится по каменному полу. И в тот же самый момент слышится неистовый крик Архимеда:

– Нашел! Нашел!

Александр Турцев показался в дверях лаборатории с мокрым негативом в руках, Тюменев сорвался с кресла и, едва не сбив с ног Аркусова, бросился к племяннику, и оба вместе – Турцев и Тюменев – еще раз крикнули:

– Нашел!

– Нашел!

Аркусов повернул выключатель, ярко осветил обсерваторию. Тюменев выхватил из рук Архимеда снимок, посмотрел на свет.

– Вот здесь, видите? – указал ногтем Архимед.

– Ну да, ну да! – радостно воскликнул Тюменев, возвращая негатив. – Вот именно! Ты на пластинке, а я раньше тебя прямо на небе...

– Простите, дядюшка, я раньше...

Но Тюменев не слышал возражения Архимеда, с юношеской живостью бегал по обсерватории, потирал руки и восклицал:

– Отлично. Великолепно. Елена нашлась. Вернулась, хоть и с опозданием. Интересно будет узнать, где она пропадала.

Но радость его была преждевременна.

3. Странная находка

- Опять он поет. Архимед!

- Да-а?

- Поди сюда.

Тюменев откинулся на спинку кресла в ожидании племянника.

Шаги Архимеда гулко отдавались в обсерватории.

- К вашим услугам, дядюшка. Дя-дюш-ка! Иван Иванович!

- Ах, прости, дорогой мой. Задумался и не слышал, как ты подошел. Закончил вычисления?

- Да.

- И выводы? - спросил Тюменев.

Архимед развел руками:

- Комета Елена движется гораздо быстрее, чем двигалась в прошлое свое появление.

- Да, все это очень странно, - сказал Тюменев. - Яркость Елены увеличивается с невероятной быстротой, и, значит, она движется со скоростью, которая противоречит всему, что нам известно в этой области. Загадочен и тот факт, что до сих пор мы не могли обнаружить ни малейшего признака хвоста, хотя он уже должен быть виден. Я начинаю думать... Спектральный анализ покажет, имеем ли мы дело с Еленой или же с каким-то другим небесным телом.

- Но мы обнаружили ее...

- В том месте, где ожидалось появление Елены? Это могло быть простой случайностью. А вот и Аркусов. Идите сюда скорее. Что показал спектральный анализ?

– Я еще никогда не видал такого сложного спектра – нечто изумительное, – ответил Аркусов.

– Но ведь спектр Елены не отличался сложностью. Углеродород, окись угле...

– Этот спектр совершенно непохож на спектр кометы Елены! – перебил Аркусов.

– Вот видишь, – обратился Тюменев к Архимеду. – Моя догадка оправдывается, и мне остается утешаться только тем, что, потеряв Елену, я открыл новую звезду.

– Простите, дядюшка, я открыл ее раньше вас, – возразил Архимед.

– О чем спорить? Назовите ее звездой Абастумани, и кончено, – предложил Аркусов.

Тюменев улыбнулся:

– Так мы и сделаем. А пока продолжайте наблюдать звезду.

Прошло еще некоторое время, и звезда преподнесла новую неожиданность: свет ее стал менее ярким, словно она отправилась в обратный путь – удаляясь от Земли. Ее голубой с зеленоватым оттенком цвет начал меняться на красный. В небе есть молодые звезды – красные гиганты и звезды-старцы – красные карлики. Но ведь открытая звезда имела голубой цвет. Не могла она с такой фантастической скоростью и удаляться от Земли, чтобы ее цвет от голубого перешел к красному.

Не доверяя Аркусову, Тюменев сам занялся спектральным анализом звезды и без труда нашел, что темные фраунгоферовы линии ее спектра были двойные. Разгадка найдена: звезда была двойная. Два солнца вращались вокруг центра тяжести системы: одно голубое, другое красное. В момент появления двойная звезда была обращена к Земле своим Голубым солнцем, а затем Красное солнце начало покрывать собою Голубое.

Дальнейшие исследования показали, что звезда продолжает лететь к нашей Солнечной системе с небывалой в летописях астрономии скоростью.

Теперь звезда Абастумани была видна в телескоп уже настолько отчетливо, что ее могли заметить и другие астрономы. Тюменев решил, что настало время оповестить мир о новой звезде. Он составил и сам отправил телеграммы в редакции газет, в университеты, обсерватории.

Так был взволнован мир вестью о приближении к Земле необычайного небесного гостя.

4. Разговор на веранде

Елена Гавриловна радовалась тому, что история с потерянной Еленой окончилась удачно. Хотя Иван Иванович по-прежнему проводил в обсерватории ночи напролет, он посвежел, стал хорошо спать и есть.

Однако это продолжалось недолго.

Заботливая Елена Гавриловна начала замечать, что Иван Иванович снова становится рассеянным и задумчивым и забывает даже о любимой клубнике со сливками.

– У нас в небе совершаются большие события, – начал он, глядя сощуренными глазами на заходящее солнце. – Мы усиленно изучаем звезду. Я наблюдаю ее в телескоп, Аркусов фотографирует, Архимед вычисляет без конца. Мы опередили иностранных астрономов: нам о звезде известно то, чего еще никто в мире не знает.

– Что же вы узнали?

– Открытая нами звезда напоминает двойную звезду Мицар. Представь себе, на небе не одно, а два солнца, причем большее солнце имеет одну планету, а меньшее две, и одна из них в свою очередь имеет спутников – две луны.

– Из-за этого еще не стоит расстраиваться. Не всем же планетам иметь по две луны...

– Мы много узнали о звезде, – продолжал Тюменев, не слушая жены, – и все же она представляет собою загадку. Она движется с совершенно необычайной, немыслимой, небывалой скоростью. Архимед еще не закончил своих вычислений, но нам уже теперь очевидно, что двойная звезда пройдет очень близко от нашей Солнечной системы.

– Не думаешь ли ты, что звезда может столкнуться с нашей Землей?

– Столкнуться? Нет. Но, проходя довольно близко, она, вероятно, причинит нам довольно много беспокойств. Вызовет приливные явления.

– Это опасно?

Тюменев пожал плечами:

– Все будет зависеть от того, на каком именно расстоянии пройдет от Земли звезда Абастумани.

Солнце спустилось за гору. Ивану Ивановичу пора было уже идти в обсерваторию, а он все еще сидел на веранде и глядел на потухавшие краски заката. И когда они погасли совершенно, он снова начал говорить, тихо и взволнованно:

– Не знаю, поймешь ли ты меня, Елена... Я всю жизнь отдал науке. Никакая жертва не мала, если она приносится для расширения человеческих знаний...

Елена Гавриловна насторожилась.

– Нам, земным жителям, – продолжал он, – предстоит пережить исключительные события, быть свидетелями необычайных явлений... Такие события происходят один раз в миллионы миллиардов лет, и мы можем понять, какой интерес и какую ценность для науки они представляют.

– Да. Вблизи Солнечной системы пройдет двойная звезда, и ты будешь наблюдать ее, – сказала Елена Гавриловна.

– Вблизи! Но близость на астрономическом языке – это по меньшей мере сотни тысяч, миллионы, сотни миллионов километров. Много ли увидишь с Земли?

Наступило короткое молчание. Было уже совсем темно, но Елена Гавриловна не зажигала огня. Она со страхом смотрела на трепетный свет первых звезд, теперь казавшихся ей зловещими, и спросила:

– Что же ты хочешь?

– Лететь на звезду Абастумани, – раздался из темноты голос Тюменева.

В ответ послышался вздох и короткое всхлипывание.

«Доработался... Придется завтра же пригласить врача», – подумала Елена Гавриловна и сказала словно простуженным голосом:

– Это ты... серьезно, Иван Иванович?

– Совершенно серьезно... Вот именно...

– На чем же ты полетишь? Ведь межпланетные ракеты еще не изобретены.

– К сожалению, да. Но у меня есть план. Признаюсь, очень смелый и необычный. Я поручил Архимеду сделать ряд очень сложных вычислений и расчетов. Он еще сам не знает, для чего их делает.

Захрустел песок на дорожке, послышались чьи-то приближающиеся шаги. Две темные тени подошли к перилам веранды.

– Это ты, Архимед? – спросил Тюменев.

– Мы, – ответил Аркусов. – Обеспокоены вашим опозданием. Пришли узнать о здоровье. Добрый вечер, Елена Гавриловна!

– Послушай, Архимед, и вы, Аркусов, послушайте, – в голосе Тюменева прозвучало необычное волнение. – Друзья мои! Если бы я предложил вам

отправиться со мной в очень опасную, очень рискованную, но крайне важную научную экспедицию, в которой сама ваша жизнь подвергалась бы опасности, согласились бы вы?

- Разумеется, - быстро ответил Архимед.

- Всегда готов! - одновременно воскликнул Аркусов.

- Вот видишь, - повернул Тюменев голову в сторону Елены Гавриловны. - Мне шестьдесят, а ведь каждому из них нет и тридцати - и они не задумываются.

Опершись одной рукой на перила, Аркусов ловко перепрыгнул, разыскал на веранде выключатель и зажег свет.

Лицо Елены Гавриловны выражало смятение, а глаза Ивана Ивановича горели молодым задором.

- Да, я предлагаю вам ни больше ни меньше как лететь со мной на звезду Абастумани! Вот именно!

При этих словах Аркусов вдруг стал серьезным и многозначительно посмотрел на Архимеда - не сошел ли старый профессор с ума. А всегда спокойный Архимед невольно передернул плечами:

- Лететь? Но на чем?

- Ты сам, Архимед, принимаешь участие в изобретении летательного аппарата, - загадочно ответил Тюменев. - Завтра я еду по делам в Ленинград, - заявил он неожиданно.

На другой день Тюменев действительно уехал и отсутствовал более двух месяцев.

5. В мышеловке

Всю ночь над обсерваторией бушевала буря. Несмотря на специальную систему колес, купол дрожал, качался и, казалось, ежеминутно готов был сорваться. Сквозь отверстие в куполе ветер врывается внутрь башни и обдавал лицо и руки Тюменева ночной свежестью и запахом хвойного леса. Плотность воздуха в атмосфере быстро менялась, это мешало наблюдению, искажая изображение звезды. Тюменев сердился, бранил ветер, звезде даже погрозил кулаком:

- Это все твои штучки!

В телескоп уже отчетливо были видны два солнца звезды Абастумани, разделенные друг от друга тончайшей темной полоской небесного пространства. На самом деле ширина этой щели равнялась сотням миллионов километров. В ней свободно вмещались орбиты планет и их спутников двух солнечных систем, связанных взаимным притяжением. Большее солнце было окрашено в красный цвет, меньшее - в голубой.

Небо бледнело, угасла двойная звезда - наступал рассвет. Пора кончать наблюдения.

- Архимед! - крикнул Тюменев. - Архимед!

- Его еще нет, Иван Иванович, - слышался из лаборатории голос Аркусова.

- Как это еще нет? Уже ушел, хотите вы сказать? Ах да...

- Вот именно, - вполголоса сказал Аркусов, повторяя любимую фразу Тюменева.

Иван Иванович вспомнил, что сам освободил Архимеда от всех ночных работ в обсерватории для того, чтобы тот мог всецело заняться вычислениями. До сих пор Архимед работал почти круглые сутки, очень переутомился, но не хотел бросать астрономических наблюдений, пока Тюменев - это было вчера вечером - не накричал на него:

- Этак ты до воспаления мозга доработаешься. Если ты будешь еще по ночам работать в обсерватории, то к сроку не кончишь свои вычисления. И мы пропустим момент, единственный в жизни не только нашей, но и всего человечества. Марш домой, и ложись спать, а завтра со свежей головой садись

за вычисления!

И Тюменев почти вытолкнул Архимеда из обсерватории, крикнув в темноту:

- Вот именно!

- Ну и ветер. С ног валит, - сказал Аркусов, входя в обсерваторию.

- И не то еще будет, - ответил Тюменев, поднимаясь с кресла. - Звезда работает.

- Позвольте проводить вас до дому, Иван Иванович.

- Благодарю вас. Не беспокойтесь. Сам дойду. Тюменев подошел к двери и попытался открыть ее.

Но дверь не поддавалась.

- Что такое? - Наверное, Никита запер ее ключом, чтобы ветер не открыл. - Никита! Никита! - Никто не отзывался.

- Зачем Никите закрывать? - возразил Аркусов. - Дверь открывается наружу. Наверно, давление ветра не дает открыть. Позвольте, я помогу.

Аркусов сильно нажал плечом. Дверь приоткрылась - ветер засвистел в ушах, растрепал волосы - и тотчас плотно прихлопнулась. Новое усилие плечом - дверь даже не приоткрылась.

- Попробуем вдвоем, - предложил Тюменев. - Раз, два, три. Ой, ой!.. Плечо расшиб. С таким успехом мы могли бы нажимать на железобетонную стенку.

- Да, знаете ли... - отозвался Аркусов, также потирая ушибленное плечо.

- Занятно. В мышеловку попали. Пленники урагана. - Тюменев рассмеялся.

- Вот так звезда. Какие дела делает. Какая силища.

- Придется здесь отсиживаться, пока ветер не утихнет.

- Отсиживаться? Не согласен, - сказал Тюменев. - Елена Гавриловна, наверно, волнуется. Я иду, а вы как хотите.

- Но ведь мы и дверь открыть не можем.

- И не нужно. Вот люк. Он ведет в подвал, в машинное отделение. Из подвала дверь выходит на запад, а ветер дует с востока. Ту дверь мы, наверно, откроем. Идем.

6. Сквозь воздушный поток

Высокая железная дверь подвала была открыта настежь. У двери в полутемном подвале сидел Никита, посасывая трубочку.

- Ветер загнал, отсиживаюсь вот, - объяснил он Тюменеву. - Хотел пройти в корпус, но с ног так и валит. Не ходите и вы, Иван Иванович.

- Глупости, - ответил Тюменев и смело ринулся из подвала. Аркусов не отставал от него.

Здание прикрывало их от ветра, и они благополучно прошли несколько шагов вдоль стены круглой башни, но, как только обогнули ее, ветер со свистом ударил в грудь и лицо.

Тюменев согнулся под прямым углом и зашагал вперед, но скоро почувствовал, что задыхается. Попробовал идти задом - и тотчас был сбит с ног порывом ветра.

Аркусов помог подняться. Тюменев уже не возражал против его помощи.

- Прикройте рот носовым платком! - крикнул Аркусов, поддерживая старого астронома.

Казалось, звезда пыталась уже сейчас сорвать всю атмосферу Земли. Ураган неистовствовал. Деревья наклонились в одну сторону, ветви вытягивались, дрожали мелкой дрожью, разноголосно звенели, свистели, пели, как туго натянутые струны. Трещали сломанные бурей деревья. Огромные сучья, ветви, листья, сухие иглы и шишки – весь лесной мусор с бешеной скоростью проносился над головой. Смерчи сухой пыли вертелись, плясали по дорогам. В синем небе с необычайной скоростью пролетали обрывки белых как вата облаков.

Путникам нужно было пройти от обсерватории до леса шагов двести по открытому месту. «Хватит ли у старика сил?» – подумал Аркусов. В лесу будет потише, но там того и гляди придавит падающее дерево. Или свалится на голову толстый сук. А за первой полосой леса снова открытое место. Нет, не дойдет Тюменев...

Со стороны «корпуса» – главного здания – едва донесся заглушенный бурей крик. Аркусов оглянулся. Крепко держась за каменную балюстраду, на нижней веранде стояли молодые сотрудники обсерватории и предостерегающе кричали. Кто-то махал рукой.

Аркусов начал опасаться уже не только за Тюменева, но и за самого себя.

– Иван Иванович, верне-емся! – крикнул он в ухо Тюменеву.

– Я... вас... не держу... – ответил неистовый старик и, скрючившись еще больше, стал пробираться вперед. Идти против течения бешеного горного потока было бы не труднее. Но Тюменев шел. Мог ли вернуться Аркусов?

И, цепляясь друг за друга, друг друга подталкивая и поддерживая, падая и с трудом поднимаясь, шаг за шагом продвигались они вперед и наконец достигли полосы леса.

Здесь было тише, дышалось легче. Но дорожка была завалена буреломом. Ежеминутно приходилось перелезать через поваленные деревья и груды мусора и делать обходы.

Из-под обнаженных корней старой сосны, наполовину расщепленной и обугленной давним ударом молнии, вытекал родник. Вода его, насыщенная

газами, бурлила, шипела, пузырилась и стекала вниз серебристым ручейком. Еще вчера этого родника не было.

«Наверно, нарзанный источник. Новый родник, рожденный звездой», – подумал Тюменев.

На совершенно ровном месте Аркусов оступился, громко вскрикнул, сделал шаг, снова вскрикнул и опустился на землю.

– Я, кажется, вывихнул ногу, – сказал он. – Понять не могу, как могло это случиться.

– По милости звезды, – отозвался Тюменев, – объяснять сейчас некогда. Снимайте-ка башмак, я постараюсь выправить вашу ногу.

Тюменев дернул за ногу Аркусова, и тот вскрикнул.

– Очень больно? – спросил Тюменев.

– Да. Спасибо. Кость, кажется, стала на место.

Прихрамывая и поохивая, Аркусов плелся за Тюменевым. Вот и опушка леса. Пыль с дороги забивает глаза, нос, рот. Ветер валит с ног. До следующего перелеска не меньше сотни метров.

– Иван Иванович, теперь я вам плохой помощник. Придется нам здесь переждать до вечера.

– Глупости! – возразил Тюменев. – Малодушие. Осталось совсем немного. Видите, уже крыша дома виднеется. Если идти через открытую поляну трудно, то мы переползем ее, я впереди, вы – в кильватере.

И Тюменев действительно стал на четвереньки и пополз.

«Недаром Елена Гавриловна называет его горячкой», – подумал Аркусов, улыбнулся, поморщился и пополз за Тюменевым «в кильватере».

«Нет, я его не возьму в экспедицию. Малодушен. Шляпа, вот именно», – подумал Тюменев, храбро пересекая поляну.

7. Беспокойный день

Елене Гавриловне не спалось. Тревожные мысли одолевали. Иван Иванович – ее Ваня – собирается в какую-то экспедицию, из которой, быть может, и не вернется. Звезда принесла заботы. Начались бури. Дом стоит в затишном месте, а весь дрожит. И Елена Гавриловна, хоть душно, с вечера все двери и окна плотно закрыла. А все шумит лес, гудит ветер, не дает уснуть...

Только под утро незаметно задремала старушка, и вдруг... Трах. Трах. Трах...

Привскочила она на кровати, дрожит, со сна понять ничего не может, только чувствует – в комнате свежим ночным ветерком веет. Протерла глаза и видит, что в доме творится что-то непонятное. Окна и двери сами собой пооткрывались. Вдруг подпрыгнула крышка сундука и тотчас захлопнулась. Дверцы буфета и шкапа раскрылись, словно их изнутри кто-нибудь толкнул. На шкапу стояла круглая фанерная коробка для шляп, плотно прикрытая крышкой. Эта крышка подскочила до потолка, упала на пол и покатилась.

Очень испугалась Елена Гавриловна, выбежала из спальни в столовую, но и там пальба, с глухим шумом взорвались консервные банки на буфете, защелкали пробки, вылетевшие из бутылок с лимонадом и сидро. Как хлопущка, хлопнула пергаментная бумага, которой обвязана была полупустая банка с вареньем. Елена Гавриловна в растерянности металась из стороны в сторону. Она ждала, что и кресла, и диваны, и подушки, и перины начнут взрываться и лопаться, и – долго ли до беды – как бы и самой не лопнуть. Было на то похоже. В висках стучало, в ушах шумело, сердце билось учащенно, дышалось с трудом, руки и ноги похолодели.

Но выстрелы и взрывы прекратились так же внезапно, как и начались. В доме стало тихо. Только шумел, свистел, завывал ветер, пролетающий по вершинам сосен.

Светало. Елена Гавриловна постояла посреди столовой, вздохнула, немного успокоилась и пошла умываться и одеваться – уж больше не уснуть.

В кухне она нашла следы тех же непонятных взрывов: раскрытые дверцы, откинутые крышки, вылетевшие из бутылок пробки. Елена Гавриловна с опаской попробовала прикрывать, затыкать, захлопывать – не взорвется ли опять. Нет, ничего не случилось.

Поставила кофейник с водой на электрическую плиту. И не успела прикрыть новой бумажкой и обвязать банку с вареньем, как кофейник бурно закипел. Так быстро! Что такое с ним стало? Тюменева попробовала кофейник рукой – он был чуть теплый. А вода кипела ключом.

Елена Гавриловна грузно опустилась на табуретку.

Голова закружилась. Ей показалось, что она сходит с ума.

Вдруг с шумом открылась дверь, и на пороге появились Тюменев и Аркусов.

Старушка поднялась, протянула к мужу руки, как бы ища помощи, крикнула:

– Иван Иванович, я едва со страху не умерла. Иван Ива... – и не договорила. Ее поразил внешний вид Тюменева и Аркусова. – Что это с вами приключилось? Откуда вы? Грязные, оборванные, избитые. Разбойники напали, что ли?

– Звезда, – ответил Аркусов из-за спины Тюменева.

– Пустяки. Все в порядке, – бодрился Тюменев. – Буря, ветер. Помогите нам немножечко привести себя в порядок. Писем не было?

В последнее время Тюменев получал много писем.

– Почта не пришла. Наверно, буря задержала, – ответила Елена Гавриловна.

За чайным столом Тюменева наконец рассказала о необычайных происшествиях утра.

Иван Иванович слушал, кивал головой, улыбался. Затем быстро прошел в кабинет, принес оттуда барограф и сказал, показывая жене черту на ленте:

– Вот видишь, в четверть пятого утра давление внезапно упало почти до четырехсот миллиметров. В этом весь секрет утренних чудес в решетке. Вот почему банки стреляли и шкапы, сундуки открывались: внутреннее давление в банках и ящиках сразу оказалось намного выше внешнего. От этой же причины и новые источники появились.

– А почему атмосферное давление так резко понижается? – спросила Елена Гавриловна.

– Звезда своим притяжением вызывает приливные действия в земных океанах и атмосфере. Два раза в сутки теперь мы испытываем повышенное давление и два раза пониженное – по мере вращения земного шара.

– И болезни какие-то новые привязались, – продолжала Тюменева. – С утра тело тяжелеть начинает, к полудню совсем отяжелеешь. А к вечеру спадает тяжесть, к полночи же во всем теле такая легкость, что, кажется, взяла бы и полетела. Неужели все это от перемены давления?

– Нет, тут уж сказывается непосредственное влияние силы притяжения звезды, – сказал Тюменев. – Такою «болезнью» теперь мы все больны.

«Говорит Москва»... – слышался голос из радиоприемника. Передавались утренние известия.

«В экваториальной Африке произошел трагический случай: английский летчик, воспользовавшись необычайно высоким давлением, поднялся на обыкновенном аэроплане на высоту в несколько десятков километров. Но не успел он похвалиться своим рекордом, как сообщили по радио:

«Притяжением звезды оторван от Земли. Не помогла мощность трех тысячесильных моторов. С возрастающей скоростью неудержимо падаю в небо. Задыха...» – на этом сообщение прервалось».

– Вот именно. Упасть в небо – это как раз то, что надо. Но и в небо падать надо умеючи. Плохо вычисляют и за это платятся головой, бедняги, – сказал Тюменев.

Елена Гавриловна всполошилась.

– Этого еще не доставало, чтобы люди с Земли на небо падали.

– А вы из дома не выходите, Елена Гавриловна, – сказал Аркусов. – Когда звезда начнет очень сильно притягивать, придется только переселиться на потолок и ходить вверх ногами.

– Что вы, Аркусов, смеетесь надо мной. Я и так напугана.

– Простите, Елена Гавриловна. Смеюсь, шучу. У нас до этого дело не дойдет, но на экваторе в продолжение некоторого периода времени будет происходить нечто подобное. Это когда звезда пройдет в ближайшем расстоянии от Земли и оторвет часть земной атмосферы...

– Менее трети атмосферы и несколько тысяч кубических километров океанской воды, – прибавил Тюменев.

Через веранду вошел Архимед. Его одежда была в полном порядке. В руках он держал портфель.

– Давно проснулся? – спросил Тюменев племянника.

– Я и не спал.

– Как так не спал? – вспыхнул как порох Тюменев. – Почему не спал? Недисциплинированность? Куда ты теперь годен? После бессонной ночи, пожалуй, два и два не сложишь.

– Пожалуй, и не сложу, – спокойно отвечал Архимед. – Но вы не огорчайтесь, дядюшка. Я уже ночью все сложил. До утра вычислениями занимался. Хотелось скорее кончить.

– Вот как. Но все-таки ты неслух, неслух, вот именно! – ворчал Тюменев, словно Архимед был еще мальчиком. Но это ворчание уже не было сердитым.

– Ну, и что же? Кончил?

– Кончил, дядюшка.

– И что же? Что? Говори скорее!

– А вы меня, может быть, раньше кофе угостите? Со вчерашнего вечера, как говорится, маковой росинки во рту не было, – сказал Архимед с лукавой искоркой в глазах.

– Да ты мне хоть кратенько скажи! – воскликнул Тюменев с видом такого крайнего нетерпения, что Архимед сжалился над своим дядюшкой и сказал:

– Звезда Бета Малого солнца.

– Ага. Вот именно! – крикнул Тюменев так громко, что в клетке на окне затрепыхался чиж. – Значит, так. Значит, по-моему. Изумительно. Совершенно совпадает с э... вот именно... Нет, эта голова кое-чего стоит! – хлопнул он себя по лбу. – И эта голова тоже кое-чего стоит, – легонько хлопнул он по темени племянника.

– Чего вы, дядюшка, деретесь? – спросил Турцев.

– Молодец. Спасибо, Архимед. Настоящий Архимед. Пей теперь кофе сколько твоей душе угодно.

8. Звезда работает

– Вот и почтальон, – сказал Аркусов и, прихрамывая, вышел на веранду. Загорелый черноволосый мужчина в запыленном парусиновом костюме подал ему пачку газет и писем.

Аркусов передал газеты Тюменеву и ушел в кухню переменить компресс на ноге. Елена Гавриловна мыла чайную посуду.

Архимед сонно моргал глазами. Голова его склонилась. Выпив кофе, он осовел и сразу почувствовал, как сильно устал за последние сутки напряженнейшей умственной работы.

– Тетушка, вы позволите мне прилечь на веранде? Там такая уютная плетеная кушетка стоит. – Он быстро прошел на веранду, улегся на кушетку, подобрал длинные ноги, положил кулак под голову, и через минуту раздался его могучий храп.

Тюменев развернул газету:

– Посмотрим, что натворила звезда за последние сутки. – И Иван Иванович углубился в чтение.

Страницы газеты были полны сообщениями о проделках звезды.

Итальянский летчик, пытавшийся поставить мировой рекорд высоты, был застигнут низким давлением. На высоте двух с половиной тысяч метров мотор отказался работать, а летчик начал задыхаться.

Зато летчику-французу во время барометрического максимума удалось подняться на двадцать километров без кислородного прибора.

Приливы разрушили в Голландии плотины. Это явилось настоящим народным бедствием и повело к многочисленным человеческим жертвам.

Французский пароход «Марсель» после прилива оказался лежащим на вершине холма одного из Маркизовых островов. Многие пароходы относились приливной волной за десятки километров от берега моря и оказывались на мели среди густого леса или на улицах города, давно оставленного жителями.

Американский богач Ринг Кингсбери устроил себе подземное убежище на острове Патрика, далеко за Северным полярным кругом, и сделал себе запасы продовольствия и кислорода на десять лет.

В шахтах того же Кингсбери в Эквадоре произошли взрывы рудничного газа, обвалы и затопления. Погибло 320 шахтеров.

В Боливии, Перу, Мексике забили мощные нефтяные и грязевые фонтаны.

На Камчатке произошло извержение давно не действовавших сопок.

Инженеры спешно реконструировали двигатели и насосы, приспособляя их к периодически изменяющемуся атмосферному давлению.

Тюменев поднял голову от газеты и увидел Архимеда и Аркусова.

Пропустив обоих в кабинет, Тюменев задержался у двери и осторожно – чтобы не щелкнула – задвинул задвижку.

– От кого это вы запираетесь, дядюшка?

– От всех. Не люблю, когда мешают во время работы. Садитесь к столу. Докладывайте, Архимед.

– Мы уже довольно точно знаем, так сказать, анатомию двойной звезды Абастумани, – начал Архимед, разворачивая на столе чертеж. – Вот центр – Большое, или Красное, солнце. Вокруг него, вернее, вокруг общего центра тяжести системы обращается Малое Голубое солнце. Эти два солнца, составляя единую систему двойной звезды, являются вместе с тем самостоятельными центрами планетных систем. Вокруг Малого солнца обращаются две планеты: крайняя – Альфа – и ближе к солнцу – Бета. Вокруг Большого Красного солнца одна планета – Гамма. Бета имеет две луны, остальные планеты лун не имеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-belyaev/nebesnyy-gost>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)